

Несмотря на глубокую ночь, Дин Тянь все же разнес по камерам чайники с кипятком. Да и у входа в тюрьму наконец-то... выставили часовых.

Все они были из солдат генерала Гао. Сам Дин Тянь лишь обеспечивал караул горячей водой, но, завидев, что служивым приходится нести дозор в ночную стужу, он отыскал их десятника.

Пятерку бойцов возглавлял пятидесятник, десяток — десятник, сотню — сотник. На пятьсот человек полагался младший главнокомандующий, а на тысячу — великий главнокомандующий. Тремя тысячами командовал старший или помощник генерала, пятью тысячами — авангардный генерал, а на десяти тысячное войско назначались командующий генерал и его заместитель.

Под началом двух десятников у тюремных ворот собралось чуть больше двадцати человек. Дин Тянь не имел ничего против такого соседства — в конце концов, солдаты стерегли опасных преступников, а ему самому давно пора было ложиться. Завтра ведь снова на службу.

— В кухне можно нагреть воду, — подсказал им Дин Тянь. — Чая у меня не осталось, но есть баранина. Сварите бульон, ночью согреетесь.

Это мясо на кости Дин Тянь припас для себя, но сейчас выложил без тени сожаления.

— Там же найдете лук, имбирь, чеснок и молотый перец. Похлебаετε горячего, хоть кости отогреете.

— Вот спасибо вам, маленький тюремщик Дин! — Десятники с благодарностью приняли его доброту.

Зимы на Северо-Востоке стояли суровые, а в карауле пить вино строго запрещалось. Спасаться приходилось горячим варевом, и сытный, обжигающий бараний бульон подходил для этого как нельзя лучше.

Дин Тянь вернулся к себе в каморку. Но разве уснешь в такую ночь?

Сон не шел. Впрочем, деваться все равно некуда: расспрашивать кого-то на улице о происходящем он не смел. Главное он уже знал — все семейство господина Ма теперь под замком.

Кое-как промучавшись до рассвета, Дин Тянь поднялся на ноги. В кухне пахло вареным мясом — солдаты действительно полночи варили похлебку. К его приходу на дне котла оставалась лишь пара поварешек жирного бульона с крошками мяса. Дин Тянь плеснул туда воды, подогрел, засыпал кукурузной муки — получилась отличная похлебка для тюремных псов.

Накормив собак, он тщательно вымыл котел и завел кукурузную кашу, сдобрив ее щепоткой

соли. На решетке над паром разогрел больше сотни кукурузных пампушек-вовотоу. Настругал солений, добавил резаного лука, сбрызнул кунжутным маслом и перемешал все в огромном тазу. Каждому узнику — и мужчинам, и женщинам — полагалась миска теплой каши и одна пампушка, а на каждую камеру он выдавал по тарелке солений.

— И это все, чем ты собираешься нас кормить? — молодой барин, племянник уездного судьи, брезгливо покосился на вовотоу и даже не прикоснулся к миске с кашей.

— Не хочешь — не ешь, — отрезал Дин Тянь, не собираясь церемониться с изнеженным юнцом. — Или желаешь, чтобы я преподавал тебе урок? Новичкам в тюрьме положены приветственные побои для острастки. Хочешь примерить на себя тюремную палку?

— Ах ты!.. — вскинулся было тот.

— Замолчи! — оборвал его Ма Чун и несильно пнул под бок, отпихивая в сторону. — Станут тебе тут разносолы разносить. Не любо — ходи голодным.

Сам бывший судья спорить не стал: молча взял свою долю и принялся за еду. Деваться некуда — со вчерашнего обеда маковой росинки во рту не было, желудок уже сводило от голода.

В молодости ему доводилось терпеть нужду. Ма Чун происходил из простой семьи, и если бы его отец в свое время не выбился в люди, он бы так и остался обычным деревенским батраком. Не видать бы ему тогда ни грамоты, ни ученых степеней сюцая, цзюйжэня и цзиньши.

Дин Тянь был только рад, что бывший уездный присмирел. Навязывать еду он никому не собирался: не хотите — как хотите. В женских камерах стоял непрерывный плач. Не проронив ни слова, Дин Тянь раздал миски и поспешил уйти. Через несколько часов он вернулся за грязной посудой. Одна из хорошеньких узниц, томно поведя глазами, скользнула ладонью по его руке, пытаясь заигрывать.

Дин Тянь остался холоден как лед.

— Сегодня ты останешься без обеда и без воды, — сухо отрезал он.

Красавица опешила. Дин Тянь развернулся и ушел, забрав с собой даже кувшин с водой, который только что принес для их камеры. Вдогонку ему полетела визгливая ругань, сменившаяся звуками бабьей потасовки.

Вернувшись к себе, Дин Тянь тяжело вздохнул. Обхаживать в одиночку больше сотни человек — задача не из легких, спину сорвешь.

Однако подмога пришла быстрее, чем он ожидал.

В ворота вошли те самые крепкие слуги, что привели арестантов накануне, а с ними — четыре дородные служанки.

— Господин Ван приказал нам временно поступить в ваше распоряжение, — уважительно поклонились они.

Дин Тянь так и сиял:

— Вот это дело! Заходите, располагайтесь!

Слуги аж растерялись от такого радушия. Вскоре они поняли, что маленький тюремщик — человек на редкость покладистый. Запасы в тюремной кладовой оказались внушительными: две сотни цзиней кукурузной муки, огромная корзина замороженных овощных колобков, два чана квашеной капусты, четыре бочонка солений, несколько глиняных горшков с маринованными закусками и соленые яйца. Под потолком на балках висели окорока, вяленые колбасы, сушеные куры и зайцы. Помощники, впрочем, смекнули, что мясные деликатесы предназначались явно не для арестантов, а составляли личный рацион хозяина.

С лишними руками работа пошла на лад. Однако распоряжение Дин Тяня немало их удивило:

— Еду для арестантов будем готовить в одном котле. Пампушки и кашу я стану есть те же самые, что и они. Если вам брезгливо — можете готовить себе отдельно, но я буду снимать пробу случайным образом с каждой порции. Мало ли что подсыпят.

Ему не было дела до порядков в чужих краях и эпохах, но сам он привык к тому, что даже у лишенных свободы рацион должен быть сносным. Понятно, что разносолами и мясом кормить никто не обязан, но сытость и чистота — закон. По крайней мере, голодной смертью у него в тюрьме никто не умрет. И за качеством продуктов он проследит лично. В эти суровые времена людская жизнь ценилась слишком дешево, но в его ведомстве все будет по справедливости.

— А... что прикажете готовить на ужин? — переглянулись слуги, не зная, как подступиться к делу.

— Обычную крестьянскую еду, — пожал плечами Дин Тянь. — Напеките кукурузных вовотоу. У нас есть квашеная капуста — нашинкуйте ее и потушите с жирной свиной грудинкой. Мясa кладите немного, лишь бы бульон зажирнел. Добавьте туда картошки и плесните ложку острого масла. Для сытного ужина больше ничего и не надо. На том и порешим.

Слуги оказались сноровистыми. Получив четкие указания, они тут же принялись за работу, избавив Дин Тяня от необходимости следить за каждым их шагом. Ему оставалось лишь присматривать за общим порядком.

Любопытство так и подмывало его расспросить о происходящем на воле, но он сдерживался.

Даже со слугами нельзя было терять бдительность — лишний вопрос мог обернуться бедой.

К счастью, вскоре на пороге объявился Линь Ци. Он пригнал упитанного кабана и двух жирных баранов.

— Подарок от начальства, — ухмыльнулся он, передавая поводья. — На ужин солдатам из караула. Еще две телеги дров во дворе разгружают. Если чего-то не хватает — сразу говори, мигом доставим.

Дин Тянь усмехнулся:

— Гляжу, ты в гору пошел? Сам поручения развозишь?

— Да какое там! — Линь Ци воровато огляделся по сторонам и понизил голос: — Слыхал я, будто всю их клику к тебе упекли...

Дин Тянь сразу смекнул, к чему тот клонит.

— И не думай. Женское крыло под надежным замком. Туда только служанки с едой ходят. Я заглянул утром — бабий рев стоит такой, что голова раскалывается.

— Но я же... — начал было Линь Ци, но Дин Тянь жестко его перебил:

— Хватит. Они теперь — семьи государственных преступников. Не знаю, что творится за стенами тюрьмы, но уясни одно: увидеться с ней тебе никто не позволит.

Линь Ци поник и уныло пробормотал:

— Да я ведь просто спросить хотел...

— Толку-то от этих мыслей, — вздохнул Дин Тянь. Велев слугам унести туши на кухню, он отвел приятеля в тихий угол. — Лучше расскажи, что на улицах творится?

Уж кто-кто, а этот неисправимый сплетник точно владел всеми слухами уезда.

— О-о! — Линь Ци с силой хлопнул себя по колену, и страсть к сплетням вмиг пересилила любовную тоску. — Ты представить себе не можешь! Помнишь, вы с регистратором Сюй все гадали, отчего из управы ни слуху ни духу? Оказывается, к нам тайно прибыл императорский уполномоченный!

— Высочайший посланник? — изумился Дин Тянь. — И кто же он?

— Тот самый господин Ван Цзо, который у тебя сидел! — затараторил Линь Ци. — Он прибыл по делу о растрате казны. Представляешь масштаб? На восстановление нашего уезда столица выделила миллион лянов серебра! Но стоило деньгам покинуть казну, как из миллиона осталось восемьсот тысяч. Пока везли через генерал-губернатора — сумма растаяла до шестисот тысяч. В управе префекта на руках осталось четыреста тысяч. А уж префект — зять нашего беглого уездного судьи Ма — так прибрал к рукам остатки, что до господина Ду дошло жалких двести тысяч лянов! Слава богам, господин Ду честен как чистейший родник, потому и сумел на эти крохи хоть как-то отстроить город. Но из-за нехватки средств вместо неприступной крепости у нас получилась самая заурядная уездная стена. Когда господин Ду отправлял отчет в столицу, честно указал: уезд восстановлен на двести тысяч лянов. В Пекине удивились: «Как так? Мы же целый миллион отправили!» Вот государева уполномоченного Ван Цзо и отрядили во всем разобраться. А местное ворье от такой наглости совсем страх потеряло — сговорились и решили убрать столичного ревизора!

У Дин Тяня от таких откровений глаза на лоб полезли:

— Да ладно?!

— Истинная правда! — закивал Линь Ци. — Сразу убивать побоялись — если бы столичного чиновника нашли мертвым, началось бы следствие, и полетели бы головы до девятого колена. Вот они и решили спрятать его подальше, тайно переправив в нашу глушь.

Линь Ци сделал глоток воды и продолжил:

— Этот Ма Чун... тьфу на него! Еще на прежнем месте службы пользовался дурной славой. Сколько невинных он сгноил в застенках, не счесть! Его прихвостни гребли золото лопатами, а уж какие пытки устраивали в камерах — мороз по коже. Любого, кто не давал взятку, забивали насмерть. Вот заговорщики и решили провернуть все чужими руками: спихнуть Ван Цзо и главного свидетеля в нашу тюрьму к Ма Чуну. А когда бы их нашли мертвыми, всю вину свалили бы на него. На бывшем судье и так клейма ставить негде, идеальный козел отпущения!

— Ну и проныры... — покачал головой Дин Тянь. Он и представить не мог, какие страсти кипели вокруг. Оказывается, господин Ду вовсе не забросил дела уезда Бычьего Рога — ему просто было не до того.

Сперва он, верно, действительно хотел похвастаться перед высоким гостем уездом, который отстроил практически с нуля. Да только столичный ревизор по прибытии даже на глаза ему не показался, а стоило следствию подойти к концу — и вовсе бесследно пропал. Сердце у бедного господина Ду то в пятки уходило, то бешено колотилось от ужаса.

И надо же было такому случиться: уполномоченный императора действительно прибыл в уезд Бычьего Рога, да только прямиком в кандалах и в тюремную камеру!

— Господин Ду теперь на тебя молиться готов, ведь тюрьма под твоим присмотром, — заговорщики подмигнул Линь Ци, хотя на его лице все еще читался пережитый страх. —

Видел бы ты его облегчение! И слава небесам, что ты наотрез отказался открывать ворота той ночью. Промедли ты хоть на полчаса, открой запоры — и государева посланника уже не было бы в живых.

— Да уж, я и сам до сих пор крещусь, — сглотнув, признался Дин Тянь. Кто же, к демонам, мог подумать, что среди тех троих полуживых калек, которых привезли под покровом ночи, скрывались столичный сановник и ключевой свидетель? — Послушай, а этот рябой Ху — он-то кто такой?

<http://bllate.org/book/19387/1997490>